

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 82.09

DOI: 10.25991/3033-604X.2026.18.47.012

Е. В. Панкратова*

«ЗА-СОЦИАЛЬНЫЙ» ГЕРОЙ В ПРОЗЕ Б. ИВАНОВА

***Аннотация:** В статье рассматриваются рассказы Бориса Ивановича Иванова, главного редактора самиздатского журнала «Часы» (1976–1990), с целью выявления в них признаков идеологии неофициального культурного движения, выраженной в философских статьях автора. Методом сопоставления теоретические идеи Б. Иванова, обосновывающие онтологическую необходимость существования неофициальной культуры, сравниваются с системой образов в художественных произведениях. Концепция Б. Иванова об обязательном делении общества на «социальную» и «за-социальную» ориентации, где представители первого типа служат для поддержания нормального существования общества, а второго — для исследования мира за пределами уже известного, иллюстрируется в рассказах автора. Героями становятся персонажи, получающие черты «за-социального» типа, а столкновение с ранее неосвоенным опытом, то есть еще не нашедшим отражение в языке, передается через указание на вытесненное содержание, употребление слов в несвойственном значении, изобретении новых слов или через описание ситуации, эмоционально вскрывающей ужас бытия. Таким образом, статья раскрывает аспекты идеологии неофициального культурного и показывает практику утверждения этой идеологии.*

***Abstract:** The article examines the stories of Boris Ivanovich Ivanov, the editor-in-chief of the Samizdat magazine “Chasy” (1976–1990), in order to identify in them the signs of the ideology of the unofficial cultural movement expressed in the philosophical articles of the author. By the method of comparison, the theoretical ideas of B. Ivanov,*

* Панкратова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета; pashamechic@mail.ru

Pankratova Elena Vladimirovna — Cand. Sci. in Philological; Associate Professor of Literature and Journalism Department at Smolensk State University; pashamechic@mail.ru.

substantiating the ontological necessity of the existence of informal culture, are compared with the system of images in works of art. Concept B. Ivanov's idea of the obligatory division of society into "social" and "non-social" orientations, where representatives of the first type serve to maintain the normal existence of society, and the second — to explore the world beyond the already known, is illustrated in the author's stories. Characters who acquire the features of a "non-social" type become heroes, and a collision with previously undeveloped experience, that is, not yet reflected in language, is transmitted through an indication of repressed content, the use of words in an unusual meaning, the invention of new words, or through a description of a situation that emotionally reveals the horror of being. Thus, the article reveals aspects of the ideology of informal cultural and shows the practice of affirming this ideology.

Ключевые слова: неофициальное движение, неофициальная культура, самиздат, журнал «Часы», социальная ориентация общества, «за-социальная» ориентация общества.

Keywords: unofficial movement, unofficial culture, samizdat, magazine "Chasy", social orientation of society, "non-social" orientation of society.

Борис Иванович Иванов в философских статьях, опубликованных в его самиздатском журнале «Часы», выступает как идеолог неофициального культурного движения. «За-социальный» — это термин, который принадлежит Б. Иванову. Уже в № 1 журнала «Часы» (1976) публикуется работа Б. Иванова «Две ориентации. Общество» [3], в которой появляется противопоставление двух типов людей: имеющих «социальную» направленность и принадлежащих к «за-социальной» (или духовной) ориентации. Б. Иванов считает деление людей на эти два типа объективным законом, который нужен для выживаемости общества:

«Структуру общества небезынтересно рассмотреть с точки зрения двух различных ориентаций, из которых первая — ориентация на авторитет, вторая — ориентация на мир, лежащий за пределами социальных значений» [3, с. 306].

Представители «за-социальной» ориентации направляют «внимание к за-предельному миру». Синонимами за-предельного у Б. Иванова выступают «хаос» и «тайна» [3, с. 307]. Про «за-социально» ориентированных людей Б. Иванов пишет: «Их внутренний мир насыщен несанкционированными стремлениями: "подсознательное", "иррациональное", "греховное", с трудом удерживается "крышкой социальных долженствований"» [3, с. 321]. Также «за-социальные» люди названы индивидами «чрезвычайно богатого опыта переживаний» [3, с. 321]. Духовно ориентированный человек направлен на вытесненное содержание, то есть на то, что пока еще обществом не осмыслено или игнорируется как опасное, непонятное, неизведенное. Б. Иванов называет это «другой реальностью», «незнаковым континуумом мира» [3, с. 322]. То есть за-социальные

люди видят «кишение хаоса, признаки сдвигов, подобных горным оползням, нерегулируемую игру сил, присутствие необозначаемых пружин действия» [3, с. 327], область «бесчувственного, неразумного и бездуховного» [3, с. 335].

«Социально» ориентированные люди живут по установленным правилам, тем самым поддерживая нормальное существование общества, а представители «за-социальной» ориентации стремятся исследовать мир за пределами уже известного, названного, признанного. В стабильной ситуации «за-социальным» людям может быть тяжело, они могут не вписываться в нормальное устройство общества. Но их исследовательский порыв, смелость, умение преодолеть рамки оказывается нужным в моменты кризиса.

Культура трактуется Б. Ивановым как постижение этой другой реальности, на которую бояться смотреть «социально» ориентированные люди.

Неофициальное движение оказывается, согласно этой теории, проявлением всегда существующей «за-социальной» части общества. И в какой-то степени по признаку неумения жить конформистской жизнью авторы неофициальной литературы причислялись к «за-социальной» части общества. Так как неподцензурные поэты, писатели, художники составляют «за-социальную» часть общества, то именно они создают настоящую культуру. Таким образом, концепция Б. Иванова давала неофициальному искусству онтологический статус.

Неофициальные авторы, как считал Б. Иванов, могут и должны писать, о чем считают нужным. Установка на свободное творчество — один из важных принципов как журнала «Часы», так и неофициального культурного движения.

Люди, выбивающиеся из своего окружения, то есть, по сути, «за-социальные» личности, часто становятся персонажами произведений неофициальных авторов. В журнале «Часы» регулярно публикуются произведения на эту тему.

Б. Иванов как редактор стремился сотрудничать с авторами, в чьем творчестве проявлялись черты, обозначенные в теоретических работах Б. Иванова, или черты, которые можно было так интерпретировать.

Таким образом, теоретические труды Б. Иванова обосновывали необходимость «за-социальных» людей как действительных создателей культуры, а в художественных произведениях, публиковавшихся в журнале, образ «за-социальных» людей достаточно часто становился предметом изображения.

Теоретические положения Б. Иванова нашли отражение в его прозаических произведениях: «за-социальные» личности становились персонажами прозаических произведений Б. Иванова, опубликованных в журнале «Часы».

Притом что Б. Иванов на страницах созданного им самиздатского журнала «Часы» достаточно часто публикуется в разделах «Философия», «Критика», «Время и проблемы», «Проблемы культуры», «Хроника», «Полемика» со статьями философского, публицистического характера, с отзывами на чужое творчество, собственное художественное творчество он печатает редко: в одном номере подборка стихотворений, в трех номерах — рассказы (всего четыре рассказа): «Верните аисту перья» (Часы. 1976. № 2.) [1], «Ночь длинна и тиха

/ Пастырь режет овец» (Часы. 1979. № 20) [5], «Похороны во вторник» (Часы. 1985. № 57) [8], «Высоко под облаками» (Часы. 1985. № 57) [2].

Заметим, что публикации рассказов в журнале «Часы» отличаются от публикаций в собрании сочинений Б. Иванова [9], а рассказ «Похороны во вторник» в собрание сочинений не был включен.

Выделим признаки «за-социальности» по Б. Иванову и посмотрим, насколько они применимы к героям его рассказов.

1. Люди «за-социальной» ориентации противопоставлены большинству.

Как пишет Б. Иванов, представители духовной ориентации знают, что «они суть отклонения; и это дают им понять другие» [3, с. 322], «за-социальный» человек «социально» ориентированными людьми воспринимается как «чужой среди них» [3, с. 328]. То есть одним из признаков «за-социально» ориентированной личности будет конфликт с обществом, или какое-то непонимание большинством, или осознание человеком, что он не может больше функционировать в коллективе.

Самый показательный в этом отношении рассказ — «Похороны во вторник». Он был напечатан в № 57 журнала «Часы» (1985), но датирован 1962 г., то есть по времени написания он был создан раньше, чем начал выходить журнал «Часы», и, вероятно, раньше, чем была сформулирована идеология неофициального движения.

Рассказ проще, чем другие рассказы, в нем осознание героем невозможности жить обычной жизнью в коллективе показано наиболее наглядно.

В статье «Две ориентации. Общество» Б. Иванов пишет: «Непонимание индивидом и другими типа духовности осознается со временем как фактическая ошибка» [3, с. 308]. В рассказе «Похороны во вторник» представлен как раз случай, когда герой осознает свою инаковость по сравнению с людьми, окружающими его. Персонаж переживает это как кризис и в итоге, не справившись, кончает жизнь самоубийством, выбросившись в окно. Для окружающих, то есть для людей, которые в терминах Б. Иванова мы можем назвать людьми «социальной» ориентации, такое поведение трактуется как «сбился с дороги», «просчет» [3, с. 308].

Рассказ «Похороны во вторник» начинается с того, что показан герой, с которым что-то не так. Приводится его внутренний монолог, где он вспоминает, что коллега говорит, что у него «просто нервный срыв», и далее герой думает про себя: «Не выдержал. Давно знал: сорвусь... Как же это я. Плохо» [5, с. 45].

До самоубийства он ощущает, что между ним и людьми прошла черта, что «никто не мог теперь переправиться к нему» [5, с. 50].

Кризис героя во многом связан с разочарованием в авторитетах. А как пишет Б. Иванов в статье «Две ориентации. Общество», преклонение перед авторитетами — это основная черта социальной ориентации. «К авторитетам относится все то, что служит внеличным фактором оценки» [3, с. 306], в качестве одного из примеров приводится учитель, «непосредственный ру-

ководитель», «более опытный товарищ» [3, с. 306–307]. У героя происходит «ревизия авторитетов» [3, с. 321] — то, что должно произойти с каждой духовно ориентированной личностью. Начинается все с фразы, обращенной к старшему коллеге: «Вы были моим кумиром, но позвольте вас пе-ре-из-брать!» [5, с. 45].

Перед самоубийством герой пишет письма этому старшему коллеге, своей школьной учительнице, женщине, с которой намечался роман на работе, насколько он в них разочаровался.

То, что человек какое-то время нормально функционировал в обществе, действовал как социально ориентированный человек, Б. Ивановым допускается: «ориентация может изменяться, сосуществовать с неоднородной, но не может исчезнуть» [3, с. 308], но в какой-то момент проявляется.

Но в концепции Б. Иванова духовная ориентация — это изначальная настройка человека. Осознание своей духовной ориентации — не временный кризис, а глобальное понимание невозможности дальнейшего существования по принципам «социально» ориентированных людей. Поэтому самоубийство в данном случае закономерно.

В рассказе «Ночь длинна и тиха / Пастырь режет овец» герой-художник представлен как абсолютно обособленный от других людей, он отличается от других художников, от людей, увлекающихся искусством, от так называемой «богемы», от собственных почитателей. Попадая в психиатрическую лечебницу, герой, не делая ничего, вызывает коллективную агрессию у других больных: его пытаются побить. Доктор объясняет это тем, что в поведении Кожинова (героя произведения) «больные подсознательно усматривают некий вызов» [4, с. 38].

О герое сказано:

«Он был глух и одинок. И уже тогда, когда живописцы, казалось, не знали другой цели, как перещеголять друг друга, кто лучше слижет обложку очередного номера журнала “Огонек”, он начал писать КАРТИНЫ» [4, с. 26].

В данном рассказе противопоставление героя среде не носит характера агрессивного неприятия со стороны героя, как в рассказе «Похороны во вторник», а показано действительным непониманием Кожиновым принципов существования обычных людей:

«...если верить рассказам, Кожинов отличался крайней тупостью и упрямством. Например, когда его по возрасту хотели принять в комсомол, ему никак не могли объяснить, что настоящий комсомолец газету выписывает и читает каждый день, он же стоял на том, что газету он уже однажды прочел» [4, с. 27].

В этом рассказе отрешенность героя от мира выражена в наибольшей степени, его ученик дает художнику такие характеристики, в которых его

отчужденность от социума одновременно показана и как странность, и как принадлежность к сакральному: «идол? кретин? гений? схимник? бобыль? жрец один и одинокий? нужный ли?...» [4, с. 32].

В рассказе неоднократно подчеркивается, что герой находится вне общества (причем общества, которое им восхищается). Ученик художника говорит о нем:

«И не ждите от него ответа. Ему нет дела до того, как станут его принимать. Он сам находится в иллюзии, что живет по ту сторону. Без этой иллюзии он пуст. А мы сейчас обсуждаем свои дела. Только свои дела... Он там, мы здесь» [3, с. 33].

Кроме того, в рассказе «Ночь длинна и тиха / Пастырь режет овец» есть описание естественного падения человека духовной ориентации по социальной лестнице, по сути повторяющее то, что Б. Иванов говорит в теоретических работах:

«Художник затерялся здесь среди неудачников, неустроенных, безалаберных, непризнанных людей — каждый со странностями, — и, по-видимому, со странностями был их начальник, бывший военный прокурор, тоже, наверное, непризнанный. И верным чутьем мастер угадывал среди своих интеллектуальных визитеров тех, кто объявлялся у него в гостях случайно и получал урок опасности, которая угрожает каждому в случае социальной неудачи, и тех, кому было дано почувствовать ошибочность успеха и обитать там, где все возможно и простительно и где человек по-настоящему одинок, потому что он тут ничего за других не решает» [4, с. 36].

В рассказе «Высоко под облаками» конфликт героя со средой выражен не очень ярко, но тоже есть. Рассказ начинается со ссоры героя с женой, и она выговаривает ему, что с ним невозможно жить, что он «чужой», что никто бы не смог с ним жить, что ей кажется, что он способен убить. То есть это вроде и простое описание семейного дефолта, но проговариваются все равно характеристики «за-социальной» личности. Даже указание на способность к убийству можно отнести к нарушению за-социальными личностями обычных норм поведения, по крайней мере, трактовка «социальными» людьми странностей «за-социальных» людей.

Невозможность героя вписаться в любую социальную среду, то есть в целом чуждость большинству людей показывает рассказ «Верните аисту перья».

Герой рассказа «Верните аисту перья» находится в плену на работах в Германии. И он чувствует свою инородность и с немцами, что естественно, и с другими пленными.

Причем от немцев герой рассказа Пнин отличается не потому, что он пленный, они враги, а по восприятию культуры. Охранники разговаривают о поэзии, то есть намеренно показано, что немцы образованны, но при этом

«его [Пнина] вечерний мир был более точен, чем у разговаривающих о поэзии надзирателей» [1]. Среди пленных Пнин оказывается звеном, которое вызывает у охранников наибольшее опасение [1].

2. Люди за-социальной ориентации связаны с культурой.

Следующий признак за-социального человека — связь с культурой. Б. Иванов пишет: «Консолидация внутри культуры основана не на авторитетах, а на трансцендентальных усилиях» [3, с. 334].

Самым ярким в плане отображения творческого начала из четырех рассказов, напечатанных в журнале «Часы», можно назвать рассказ «Ночь длинна и тиха. Пастырь режет овец», где герой — художник, вызывающий восхищение.

В рассказе «Верните аисту перья» герой Пнин — поэт. Пережитое им в плену, все увиденное трансформируется им в гениальную поэму (поэма в тексте не приводится, просто называется гениальной).

В рассказе «Похороны во вторник» в герое тоже обнаруживается творческое начало, он талантливый инженер, при этом он говорит о себе: «В целесообразности конструкций я видел целесообразность мира, во взаимодействии деталей и узлов — гармонию» [5, с. 55], и в школе он писал стихи.

В рассказе «Высоко под облаками» герой тоже пишет стихи.

3. Люди «за-социальной» ориентации видят «другую реальность».

В статье «Две ориентации. Общество» Б. Иванов пишет, что людьми духовной ориентации «иррациональность улавливается в умопостигаемые структуры» [3, с. 351].

Признаком «за-социального» человека будет опыт столкновения с иррациональной стороной бытия, которая не выражена словами.

В рассказах, изображающих «за-социально» ориентированных людей, Б. Иванов находит способ изобразить эту реальность, которая, по его же словам, не может быть до конца познана, описана.

Либо он просто указывает на что-то, не имеющее устоявшегося словесное выражение, либо показывает ситуацию, эмоционально дающую почувствовать ужас бытия. Причем Б. Иванов часто в пределах одного рассказа использует оба способа.

Во-первых, другая реальность может быть представлена как указание на вытесненное содержание.

В рассказе «Верните аисту перья» учитель героя Олег Михайлович говорит, что «поэт не сочинитель, а постигающий то, что находится между вещами» [1]. Это «то» не называется, но указывается, где его надо искать.

В рассказе «Похороны во вторник» Б. Иванов эту другую реальность называет просто «оно»: «И он стал думать ночами о том, что потеряно, или о том, чего нет. И понял, что оно довольно протяженное, двойное — это ощущение» [5, с. 46] — и далее просто пишет, что «оно» не имеет названия — «он не знал его имени» [5, с. 46].

И в финале рассказа Б. Иванов опять возвращается к этому «оно» и опять не называет его, но уже другим способом: герой, выбросившись из окна, уже лежит на асфальте, а его мозг продолжает работать. Последние слова рассказа: «Имя тому протяжному, двойному, похожему... было...» [5, с. 61]. То есть эта другая реальность не выразима словами, и автор буквально ее не называет.

Во-вторых, для обозначения другой реальности персонажи произведений подбирают точные слова или изобретают новые.

То есть представители за-социальной ориентации, сталкиваясь с другой реальностью, пытаются ее описать. Они ищут слова для ее описания.

В рассказах Б. Иванова этот мотив присутствует. Герои чувствуют или находят какое-то новое в мире, что-то познают сначала на эмоциональном уровне и подбирают слова для обозначения этого.

Например, в рассказе «Верните аисту перья»: «Пнин искал слово, которое бы называло бы то, что пахло бы академизмом и смертью, и остановился на слове — “финалисты”» [1].

В рассказе «Похороны во вторник» герой случайно произносит слово «медвефеди», а потом во время кризиса начинает придавать ему значение чего-то не относящегося к привычному миру: «Медвефеди — это, как вам сказать, некие звери из двух половинок. Этакие сфинксы возлежащие, понимаете! Их очень интересует, есть ли люди на Марсе. Стоит ли раздражаться на подобный абсурд?» [5, с. 49]. И одновременно это слово обозначает понимание героем шаблонности и бездарности своего окружения, которые скрывают это за мнимой вежливостью и пр. То есть своего рода тоже открытие настоящего взгляда на явления.

В-третьих, способом изображения другой реальности становится описание ситуаций, показывающих ужас бытия.

Б. Иванов приводит эпизоды, которые призваны на эмоциональном уровне вызвать ужас, передать его. То есть автор показывает ситуацию, которая иллюстрирует ужас.

Например:

«Мастер увидел и почувствовал удушливость ночи, близость неба над горным пастбищем; если посмотреть ближе — чуткое вздрагивание овец, и — рука пастыря, покойно погружающаяся в белую шерсть. Лезвие ножа — и клекот крови в горле, как нежное признание» [4, с. 38].

Или в рассказе «Верните аисту перья»: «взрыв патронного завода был так силен, что у аиста, гнездившегося довольно далеко, воздушной волной вырвало все перья. Пнин никак не мог забыть этот случай» [1].

В рассказе «Высоко под облаками» тоже есть описание «другой реальности», она дается через образ «черной дыры»:

«Эта черная дыра целый день зияла над ним, похожая на черное небо планетария: там техник по команде лектора включает и выключает созвездия»

дия и поворачивает зодиак. Он сам придумал эту дырку и раскрыл ее над собой, как зонтик в бледном небе осени» [2, с. 62].

Но в данном рассказе появляется и положительная трактовка умения видеть другую реальность. Дыра находится сверху, туда тянет, хотя вытягивает и хорошее: «жест вверх, — эта дырка, это пустота. Туда, в эту пустоту, как в вытяжную трубу, уносило всю доброту, молитвы, признания...» [2, с. 64]. Это стремление вверх воспринимается как желание полета, притом что он и может быть опасным. Вертикаль, в противоположность горизонтали, тяжелому основанию, интерпретируется как нечто ценное для человека: «Мы радуемся ее победе, линии, осилившей плоскость, ее игре, беспечной и непонимающей, что такое опасность. Линия скользит все выше и выше» [2, с. 66].

Про низ, горизонталь герой говорит: «в какой-то миг нужно опору возненавидеть» [2, с. 66], а про вертикальную линию, что она «непобедима» [2, с. 65].

Вертикаль противопоставляется опоре: «Вы возненавидели опору. Ненависть лишь начинает вертикальную линию. Потом ее ведет музыка, простота, возможно, любовь...» [2, с. 67].

Во всех трех рассказах Б. Иванов выносит ядро этих ситуаций в название: «Ночь длинна и тиха. Пастырь режет овец», «Верните аисту перья», «Высоко под облаками».

В рассказе «Похороны во вторник» тоже присутствует такой способ описания другой реальности. В какой-то момент герой включает приемник, из него раздается вой, и герой говорит: «Вот это правда!» [5, с. 49].

То есть Б. Иванов опять передает невыразимое через эмоциональное выражение, но в данном случае проще — через эмоцию, которая может сопровождаться воем, через указание на отсутствие вербальности и при этом через вой, то есть то, что связано с ужасом. И через этот вой передает состояние героя: «вой продолжался в нем» [5, с. 49].

Таким образом, в собственных прозаических произведениях Б. Иванов затрагивает темы, поднятые в теоретических статьях, а точнее — иллюстрирует свои теоретические статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Б. И.* Верните аисту перья // Часы. 1976. № 2. Без нумерации.
2. *Иванов Б. И.* Высоко под облаками // Часы. 1985. № 57. С. 61–68.
3. *Иванов Б. И.* Две ориентации. Общество // Часы. 1976. № 1. С. 305–361.
4. *Иванов Б. И.* Ночь длинна и тиха / Пастырь режет овец // Часы. 1979. № 20. С. 26–56.
5. *Иванов Б. И.* Похороны во вторник // Часы. 1985. № 57. С. 44–61.
6. *Иванов Б. И.* Возвращение парадигмы: из книги «Часы культуры» // Часы. 1977. № 6. Без нумерации.
7. *Иванов Б. И.* По ту сторону официальности: из книги «Часы культуры» // Часы. 1977. № 8. Без нумерации.

8. Иванов Б. И. Повторение пройденного: глава из книги «Часы культуры» // Часы. 1978. № 12. С. 235–265.
9. Иванов Б. И. Сочинения в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
10. Иванов Б. И. Экзистенциализм?.. Мимо // Часы. 1978. № 10. С. 144–173.

REFERENCES

1. Ivanov, B. I. *Vernite aistu per'ia* [Return the Stork's Feathers]. In: *Chasy*, 1976, no. 2. (In Russian).
2. Ivanov, B. I. *Vysoko pod oblakami* [High Above the Clouds]. In: *Chasy*, 1985, no. 57, pp. 61–68. (In Russian).
3. Ivanov, B. I. *Dve orientatsii. Obshchestvo* [Two Orientations. Society]. In: *Chasy*, 1976, no. 1, pp. 305–361. (In Russian).
4. Ivanov, B. I. *Noch' dlinna i tikha / Pastyr' rezhet ovets* [The Night Is Long and Quiet / The Shepherd Slits the Sheep]. In: *Chasy*, 1979, no. 20, pp. 26–56. (In Russian).
5. Ivanov, B. I. *Pokhorony vo vtornik* [Funeral on Tuesday]. In: *Chasy*, 1985, no. 57, pp. 44–61. (In Russian).
6. Ivanov, B. I. *Vozvrashchenie paradigm: iz knigi "Chasy kul'tury"* [Return of the Paradigm: From the Book Chasy kul'tury]. In: *Chasy*, 1977, no. 6. (In Russian).
7. Ivanov, B. I. *Po tu storonu ofitsial'nosti: iz knigi "Chasy kul'tury"* [Beyond Officialdom: From the Book Chasy kul'tury]. In: *Chasy*, 1977, no. 8. (In Russian).
8. Ivanov, B. I. *Povtorenie proidennogo: glava iz knigi "Chasy kul'tury"* [Repetition of the Passed: Chapter from the Book Chasy kul'tury]. In: *Chasy*, 1978, no. 12, pp. 235–265. (In Russian).
9. Ivanov, B. I. *Sochineniia: v 2 tomach* [Collected Works in 2 Vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. (In Russian).
10. Ivanov, B. I. *Ekzistentsializm?.. Mimo* [Existentialism?.. Passes By]. In: *Chasy*, 1978, no. 10, pp. 144–173. (In Russian).